

Культурный слой

Пой, манасчи!

Памяти Рамиса Рыскулова

В ночь на 27 января скончался последний великий кыргызский поэт XX века — Рамис Рыскулов. Мой старший друг в течение полувека. Красивый, беззаботный и «безземельный» Верлен этой части света. И немножко Модильяни... Вспоминают, что это был такой большой ребенок, в чем-то наивный и доверчивый, полный вселенской доброты. Стихи его сродни стихам Велемира Хлебникова, а живопись — в одном ряду с работами Мавриной, бабушки Мозес, отчасти Генералича, Пиромани... Беззащитный, полный музыки Слова, живший всегда в пламенных метафорах своего бытия.

Мир отвечал ему тем же. Его популярности в киргизской столице середины 60-х обзавидовался бы любой Майкл Джексон. Когда он, молодой, чернокудрый — а его грива была шире плеч, куда там Чёрной Пантере Анджеле Дэвис! — шел, улыбаясь и вздымаая красный флаг, на всём пути останавливались троллейбусы, и робкие киргизские девушки, расширив до изумления чарующие восточные глаза, любовались своей воплощенной мечтой...

Он и был ею, этой мечтой.

И даже милиция как миленькая терпела и немыслимую гриву, и трепещущий красный флаг, и стихи, которые тут же нараспев сочинялись этим местным принцем! Впрочем, может быть, ментам было указание — не связываться...

Я всю жизнь переводил его верлибры, которыми был устлан пол его маленькой комнатушки на «Ботанике», на краю города. Он прожил 86 лет.

Рамис, мы все проводили тебя...

Пусть встретят теперь тебя небесные картины — одна краше другой...

Вячеслав ШАПОВАЛОВ,
Народный поэт Киргизии

Песня лужицы

...Я — маленькая лужица,
во мне опрокинулось небо,
и оно меня переполняет
и сводит с ума своей высотою
бездонной.
Как мучительны первозданность мира,
мирозданья вечный простор —
эти звёздные взлёты, салюты, сполохи
и сияния,
эта безбрежность мартовских рассветов,
эти сумерки синих ноябрей!
Всё это —
во мне.
Как мне вместить этот мир,
что так легко воплотился
в моём маленьком сердце! —
иногда мне хочется
съёжиться, исчезнуть, затаиться,
пропасть.
Но и маленькой лужице
не убежать от себя.
И значит —
мне суждено ощутить
распирающее величье пространства,
головокруженье,
головокруженье,
жизнь,
смерть,
жизнь!..
И лишь ледяною ночью
под кованым ударом копыта
разобьётся мой мир
на тысячу
бесконечных
осколков.

Киргизский язык

Ещё самим собой не познан,
Он устремляется вперёд —
В солнцеворот земной
И в звёздный
Круговорот.
Напев его неудержимый —
Словно стремленье рек в ночи.
Пой о веках, что мчались мимо,
Пой,
Манасчи!

Язык, сработанный на славу,
 Познай
 До сути корневой
 И уподобься его нраву:
 Как дышишь —
 Пой!..

Чудятся лошади

мимо дома
 карей тенью мгновенье промчалось
 прозвенели копыта
 у забора поросшего хмелем
 всё затихло

дни идут
 и на рыжей лошади
 осень
 остановилась у дома
 слышу долгое тихое ржанье
 слышу скрип деревянной калитки
 не уходит рыжая лошадь
 дни идут

белый конь стоит у ворот
 словно лёд
 звенит его сбруя
 неумолчно звенит — а над домом
 поднимается ветер
 и снег начинает
 свою бесконечную пляску

я давно отошёл от окна
 и не знаю
 что за время зовёт меня

рвётся сердце из-под крыши тяжёлой
 и годы гудят
 как затихающие грома
 это звенят копыта
 и с ума меня сводит
 удаляющийся этот гром

и мне чудятся
 чудятся
 чудятся лошади

Не разлучайте влюблённых!

Не разлучайте влюблённых,
не разлучайте!
Не назначайте дознания, недоверия не излучайте,
не лезьте в их мир беззащитный —
это грешно,
не разрывайте сердце —
у влюблённых ведь сердце одно.
Не убивайте любви,
завистливых сплетен не надо,
ибо разлука для любящих — проклятие ада,
вспомним безумье Меджнуна,
расколотый Гамлета мир —
сколько печали!
Как хорошо им, влюблённым, вдвоём,
вы замечали?
Ивы плакучие,
нивы для них голубые! —
не разлучайте влюблённых,
какие красивые все они
и молодые...

Урюковые деревья

Зацвели на склонах урюковые рощи,
с каждым часом
всё неистовее бело-розовый пожар,
улететь собрались бушующие деревья —
вижу их, облегчённо-воздушных,
с невидимыми воскрылиями лепестков!..
И из каждого цветка
смотрит в мир смеющийся глаз,
смаргивая росинку слезы —
это весна так нежданно зажглась,
это её бело-розовые следы.
Начинается
кратковременный праздник
не убравшейся вовремя жаркой зимы:
белым маревом урюка полна долина,
солнце выбирается из пчелиной кутерьмы:
как коротка эта жизнь,
но зато это — весна!..
Окружённый маревом пчёл, завидую пастуху,
который каждый день смотрит
на цветущий урюк
и держит каждый день в ладонях своих
весну —
живой бело-розовый смех,
огромный, как сердца стук!..

Красная береза

Ветви красной березы
Жжёт солнце и хлещет гроза.
Лиловой смородины гроздья
Горят, словно волчьи глаза.

Аргамак золотым чылбыром
трясёт! — его масть черна,
он ведёт кобыл по обрывам,
царь своего табуна.

Не веди, жеребец могучий,
свой косяк среди красных скал,
тогда бы и лучший табунщик
по ущельям табун растерял.

Толпы лесов на склонах
вершинами рвут облака,
горстями градин холодных
небо хвою сечёт свысока.

Восток рассекает зарница —
слышней тишины голоса,
и песнею греется птица,
и молча сгорает роса.

*Переводы с киргизского
Вячеслава ШАПОВАЛОВА*

ХУДОЖНИК РАМИС РЫСКУЛОВ — ЭТО ДЕТСТВО МИРА

Живопись Рамиса и поэзия Рамиса не могут существовать отдельно, они взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга. Силлабо-тоническое стихосложение с его устоявшимися структурами и классическая живопись с ее научно выверенной перспективой, строгими колористическими решениями и композиционной утонченностью противоречат стихийному менталитету поэта-подростка, художника-ребенка.

Рамис Рыскулов — это детство мира, ибо скучную и серую реальность повседневности он воспринимал в ярких праздничных красках, а стихи его — как лепет младенца, как предчувствие речи, как преодоление немоты. Именно поэтому он так свеж, наивен и чист. Картины Рыскулова созданы в традициях наивного искусства и стоят в одном ряду с творениями Пиросмани, Генералича, Пурыгина, Маврикой. Рыскулов схематичен, и холсты его отражают скорее внутренний, слегка смещенный мир человека, который выламывается из социума, находясь вроде бы внутри сообщества, но одновременно и вне его. Картины и рисунки Рыскулова — это еще и квинтэссенция одиночества, а если взглянуть с философской точки зрения — апология его. Рассматривая холсты Рамиса, задумываешься об особенностях и отдельности Рыскулова, о явной обособленности этого художественного явления. Стихия его творчества близка стихиям Владимира Яковleva и Анатолия Зверева, для которых реализм изображения всегда был на втором месте (а может, и на десятом), — на первом же всегда стояли чувство, страсть и пассионарный порыв.

Таков Рамис Рыскулов — творец вне рамок, вне правил и вне традиций.

Владимир Лидский

